

ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

УДК 93/94

doi 10.17072/2219-3111-2025-4-138-146

EDN: SXOFCA

ASJC 1202

ГРНТИ 03.23.31

Ссылка для цитирования: *Парфирьев Д. С.* Оставление русской армией Перемышля и Львова в 1915 году: реакция на фронте и в тылу // Вестник Пермского университета. История. 2025. № 4(71). С. 138–146. DOI: 10.17072/2219-3111-2025-4-138-146. EDN: SXOFCA

ОСТАВЛЕНИЕ РУССКОЙ АРМИЕЙ ПЕРЕМЫШЛЯ И ЛЬВОВА В 1915 ГОДУ: РЕАКЦИЯ НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ

Д. С. Парфирьев

Институт славяноведения Российской академии наук, 119991, Россия, Москва, Ленинский пр-т, 32А
parfiryeff@yandex.ru

ResearcherID: ITV-2428-2023

Scopus Author ID: 57219055365

SPIN-код: 2650-8844

На материалах разнообразных архивных и опубликованных источников, в том числе впервые вводимых в научный оборот, анализируется реакция русского общества на отступление армии в Галиции в мае – июле 1915 г. Акцент сделан на восприятии ухода из Перемышля и Львова – крупных городов, обладание которыми имело важное символическое значение и подчеркивалось печатью и официальной пропагандой. Во-первых, установлено, что шокирующим было лишь первое впечатление: если уступка противнику Перемышля повлекла внезапное разочарование, то уход из столицы Галиции был воспринят как предсказуемое событие и инерция отступления. Во-вторых, показано резкое обесценивание Перемышля и Львова в риторике прессы, которая стала консолидированно писать о прогнозируемости и целесообразности отступления, сравнивая его с действиями Кутузова в 1812 г. «Исконно русские» города объявлялись утратившими ценность, а критериями успеха провозглашались сохранение армии и выгодные позиции, а не количество взятых населенных пунктов. В-третьих, отражены особенности восприятия отступления в армии и в тылу. Если среди военнослужащих многие разделяли оптимизм печати и позитивно оценивали военные перспективы, несмотря на досаду из-за понесенных в Галиции жертв и упущенного времени, то тыл, особенно жители Петрограда, где и прежде господствовало скептическое отношение к ситуации на фронте, был настроен пессимистически и критиковал прессу за ложь и непоследовательность. Резкий кульбит в отношении Перемышля и Львова усугубил общественное недоверие к печати.

Ключевые слова: Львов, Перемышль, Галиция, Великое отступление, Первая мировая война, Горлицкий прорыв.

Восточная Галиция, большая часть которой была оставлена русскими войсками в ходе «Великого отступления» летом 1915 г., на фоне других уступленных противнику территорий имела особое значение для общественного мнения в России. Официальная пропаганда представляла этот регион, отвоеванный у Австро-Венгрии, как «исконно русскую землю», воссоединившуюся с «Русью державной» [Haid, 2019]. Именно с поражениями в Галиции многие исследователи связывают резкую перемену общественных настроений в России в сторону «всеобщего разочарования» и крах личной репутации императора Николая II [Булдаков, Леонтьева, 2015, с. 287; Колоницкий, 2021, с. 131; Санборн, 2021, с. 152].

Из многочисленных городов Галиции наибольшее значение для русского общества имели Львов и Перемышль. Первый был столицей региона и крупнейшим по численности населения вражеским городом, занятым русской армией за все время войны, а второй – самой мощной из завоеванных ей неприятельских крепостей. Оба города были провозглашены центрами вновь

образованных губерний [Бахтурина, 2000, с. 78]. Значение Перемышля в глазах русского общества было велико еще и потому, что осада крепости продолжалась девять месяцев – с сентября 1914 по март 1915 г. Русские военные на Юго-Западном фронте с нетерпением ждали овладения Перемышлем как «ключом» к разгрому Австро-Венгрии (Srokowski, 1932, s. 143), а жители Москвы еще осенью 1914 г. распространяли слухи о падении галицийской твердыни (Городцов, 2019, с. 114, 116). Когда австро-венгерский гарнизон Перемышля сдался после долгой осады, Россию охватил небывалый патриотический подъем: по городам прокатилась волна демонстраций, газеты писали об «ошеломляющем ударе» по Австро-Венгрии и предрекали ей «начало конца» [Клопова, 2016, с. 329; Санборн, 2021, с. 151]. В конце апреля 1915 г. и Львов, и Перемышль торжественно посетил сам император Николай II; его визит в Галицию широко освещался в прессе и должен был ознаменовать собой окончательное воссоединение «Червонной Руси» с Российской империей [Колоницкий, 2021, с. 124–125].

В настоящей статье предпринимается попытка понять, как оставление Галиции в целом и Львова и Перемышля в частности расценивали русское общество и русская периодическая печать. Два последних следует разделять, поскольку, как верно отмечает современный исследователь Н. С. Гусев, мнение прессы и мнение общества в начале XX в. были взаимозависимы, но не тождественны, иначе «общество» пришлось бы ограничить читающей публикой [Гусев, 2020, с. 12]. Говоря об общественной реакции, мы исходим из того, что армия – это тоже часть общества, а особенно в условиях войны, когда в рядах вооруженных сил страны оказывались сотни тысяч вчерашних гражданских.

На следующий день после возвращения из Галиции, 25 апреля 1915 г. (здесь и далее даты приводятся по новому стилю), Николай II преподнес Верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу, который сопровождал его в поездке, украшенную бриллиантами Георгиевскую саблю с надписью «За освобождение Червонной Руси». А уже 2 мая германские и австрийские войска перешли в наступление и начали прорыв русских позиций в районе Горлице. С большими потерями войска начали отступать на восток. На этом фоне общество припомнило недавнюю новость о сабле. Искусствовед и сотрудник Красного Креста Н. Н. Врангель задавался вопросом: «Ведь, не дай Бог, отдадим мы Галицию и сдадим Перемышль, и как же тогда будет глупо себя чувствовать обладатель этого преждевременного знака отличия?» (Врангель, 2001, с. 130–131). Провинциальные обыватели иронизировали о Николае Николаевиче, «с какими бельмами теперь он наденет эту шашку» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 306–306 об.).

5 июня австро-венгерские и немецкие части вступили в покинутый русской армией Перемышль. Периодическая печать всех оттенков единодушно объясняла уход из крепости ее малозначительностью и стратегическими соображениями. Военные корреспонденты и обозреватели уверяли читателей, что случившееся не стоит переоценивать, поскольку войска продержались столько, сколько нужно, и оставили твердыню не под натиском врага, а по приказу, подарив противнику лишь «частный тактический успех» (Баскаков, 1915, с. 2; Волгин, 1915, 23 мая, с. 1). Корреспондент «Русского слова» приводил слова якобы пленного австрийского офицера, что Перемышль «не стоил тех бесчисленных жертв, которыми мы здесь заплатились» (Немирович-Данченко, 1915, с. 4). В трактовке необходимости оставить Перемышль сходились даже враждебные друг другу издания – правоконсервативное «Новое время» и либеральная кадетская «Речь». «Новое время» поясняло, что разрушенный Перемышль превратился в «простой город», бесполезный для русской армии (Борин, 1915, с. 2), иллюстрируя это фотографиями остатков разрушенных укреплений (Новое время, 1915, с. 3). «Речь» призывала общественность отнестись к оставлению крепости «с вдумчивым спокойствием и уверенной твердостью» и не «преувеличивать политическое значение этого маневра» (Речь, 1915, с. 1).

Дневниковые записи и частная переписка тех дней показывают, что в обществе преобладали иные настроения. Священник из Томска рассуждал в личном письме: «Отход с Карпат, сдача Перемышля и т.д. – все это плохо. Если подумаешь, что почти за год войны, мы не только не взяли ни одной пяди территории Германцев, но еще шаг за шагом отступаем из Галиции, то, право, становится тяжело» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1021. Л. 972). Другие адресанты призна-

вались, что после новостей о сдаче Перемышля «не могли удержаться от слез» и были «очень удручены» из-за «возможности тяжелых перспектив» (Там же. Л. 975, 986). Под «тяжелыми перспективами» подразумевалось грядущее оставление Львова и всей Галиции. В тылу участились пессимистические разговоры о том, что за сдачей Перемышля последует оставление главного города Галиции. Узнав об уходе русской армии из Перемышля, военный врач В. П. Кравков записал в дневник: «Перемышль пал! Предвижу, несдобровать и Львову» (Кравков, 2014, с. 146). Адресанты писем с разных концов страны писали: «Теперь очередь за Львовом»; «Очень боимся за Львов»; «Теперь Галиция висит на волоске» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1021. Л. 971; Д. 1013. Л. 14; Д. 1022. Л. 1018). В самом Львове началась постепенная подготовка к предстоящей эвакуации города. Наблюдавшая за этим сестра милосердия В. Н. Соловьева признавалась в письме родителям: «Я боялась одного – если наш город действительно отдадут, это будет слишком ужасно в психологическом отношении» (ОР РНБ. Ф. 722. Д. 2. Л. 2 об.). Тревогу после сдачи Перемышля испытывали даже русские жители Варшавы, опасавшиеся нового наступления немцев на город: «На нас всех произвела удручающее впечатление эвакуация Перемышля, – констатировал один из них. – Говорят, что стратегического значения он почти не имеет, но зато моральное – громадное» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1021. Л. 985). Другой русский из Варшавы сетовал в письме, что «не может помириться с сдачей Перемышля» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1022. Л. 1027).

В армии возвращение противнику галицийской крепости воспринималось не столь остро, как в тылу. Сестра милосердия в одном из военных лазаретов на Юго-Западном фронте писала, что в войсках к случившемуся отнеслись «очень спокойно и благоразумно», что «настроение великолепное и солдаты очень бодры» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1021. Л. 963). «Унылых лиц не видно, и если идут разговоры об отступлении на позицию перед Львовом, то с таким видом, как будто дело идет о чем-то временном», – описывал очевидец настроения военных во Львове после сдачи Перемышля (РГИА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 77. Л. 3). Ссылаясь на сведения от некоего вернувшегося в Казань прапорщика, журналист «Казанского телеграфа» пояснял, что «оставление Перемышля в армии рассматривается как обыкновенный маневр и никакого удручающего впечатления не произвело» (Волжин, 1915, с. 3). 21 июня князь М. Н. Щербатов, только что приехавший в Москву с фронта, заверял собеседника, что Перемышль сдан «в совершенно разрушенном виде», а Львов «решено не защищать, так как впереди его лежащие позиции неудовлетворительны» (Городцов, 2019, с. 369). На вопрос, не скажется ли это на духе войск, Щербатов ответил, что «войска в отличном настроении» (Там же).

Риторика прессы по поводу целесообразности ухода из Перемышля общество воспринимало скептически: новый образ «простого города» никак не соответствовал прежнему представлению о стратегически важной вражеской крепости, взятие которой обещало стать переломным моментом в войне. «Газеты стараются успокаивать публику, что Перемышль нам не нужен и не имеет значения. Поговаривают, что и Львов не нужен. <...> Как все это тяжело и безотраднo», – сокрушался директор императорских театров В. А. Теляковский (Теляковский, 2017, с. 362). Житель Екатеринослава писал сыну в Одессу, что «туманные объяснения» по поводу Перемышля «надо толковать в худшем значении» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1022. Л. 1022). Военный врач В. П. Кравков в дневнике возмущался «продажными перьями военных обозревателей», выдающими поражение за победу: «Благодаря очищению Карпат наши-де армии теперь оказываются с развязанными руками, спала-де с них забота эта – защита перевалов от вторжения германцев в Восточную Галицию (sic!), не мы-де разбиты, а германцы накануне полного разгрома их армий!» (Кравков, 2014, с. 142). «Сначала нам объясняли, что Перемышль ключ к Галиции, теперь хотят внушить, что он никому не нужная маловажная для нас крепость, – писала своему отцу жена генерала П. П. Скоропадского. – Даже для простых смертных, не принадлежащих к “Генеральному Штабу”, очевидно, что тут что-то не так» (РГИА. Ф. 234. Оп. 1. Д. 403. Л. 25–25 об.). Впрочем, печать, вопреки возмущению читателей, продолжала демонстрировать оптимистичный настрой. Комментируя военную обстановку по состоянию на 18 июня, военный обозреватель «Киевлянина» писал, что «в наиболее опасном для нас южном направлении на Львов настойчивым атакам немцев положен конец» (Волгин, 1915, 6 июня, с. 1).

22 июня русские войска отступили из Львова. В этот день в Петрограде проходила торжественная церемония спуска на воду броненосного крейсера «Измаил» с участием императора. По свидетельству французского посланника М. Палеолога, мысли присутствующих были заняты другим: «Перешептываются в группах с встревоженными лицами: только что получено известие, что русская армия отходит от Львова» (Палеолог, 2003, с. 313–314). Самого Николая II, чьи воспоминания о поездке в Галицию были еще свежи, искренне удручало происходящее на Юго-Западном фронте: в письме матери он признавался, что ему «больно отдавать то, что было взято с таким трудом и с огромными потерями в прошлом году» (Переписка императора..., 2017, с. 983). Александра Федоровна подбадривала мужа, что сдача Львова – «это неприятно, это унижительно, но можно перенести» (Переписка Николая..., 2013, с. 172).

На фоне недавнего оставления Перемышля уход из Львова как конкретный военный эпизод уже не произвел столь ошеломительного эффекта и не повлек за собой столь однозначной реакции в тылу – многие увидели в этом грустную закономерность. Житель Твери признавался в частном письме, что взятие противником Львова «особого впечатления не произвело, так как после взятия Перемышля все решили, что война будет долгая» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1023. Л. 112). Дипломат Л. В. Урусов записал в дневнике, что «Перемышль уже использовал эффект – и к отступлению привыкли как к необходимости» (Урусов, 2017, с. 145). «К неудачам привыкаешь, и отдача Львова, напр[имер], кроме элегической грусти ничего не вызывает...», – писал 12 июня будущий академик С. И. Вавилов (Вавилов, 2016, с. 401). Если оставление Перемышля в записной книжке А. А. Блока было отмечено фразой: «На войне все хуже», – то на сдачу Львова поэт отреагировал словами: «Но это не так ужасно, как было бы две недели назад» (Блок, 1965, с. 263, 265). Восприятие ухода из Львова как предсказуемого события на заседании ЦК кадетской партии 16 июня констатировал Н. А. Гредескул, заметивший, что «при Перемышле страна [была] удивлена, но после Львова – ничего» (Протоколы..., 1998, с. 112).

Газеты откликнулись на оставление русской армией Львова в том же духе, в котором прежде реагировали на уход из Перемышля. В номере правой газеты «Киевлянин» от 12 июня ежедневный «обзор военных действий» начался с фразы: «Политика принесла новую крупную жертву стратегии, – мы оставили Львов» (Волгин, 1915, 12 июня, с. 3). Следом пояснялось, что оставление города было предсказуемым и тщательно спланированным. Интересно, что сама рубрика впервые за долгое время вышла не на передовице, а на третьей странице. Журналист либерального «Одесского листка» – газеты противоположной «Киевлянину» направленности – также заключал, что «после оставления нами Перемышля – все явно считались с возможностью оставления также и Львова» (Черномор, 1915, с. 1). Как и неделей ранее, по поводу неприятной новости из Галиции в унисон высказались «Речь» и «Новое время». Военные обозреватели обеих газет поясняли читателям, что русская армия только выиграла, отказавшись от сражения за Львов: войска сохранили боеспособность и избежали больших потерь, а противник, наоборот, занял неудобные позиции и стратегически проиграл (Н.В., 1915, с. 2; Борин, 1915, 12 июня, с. 3).

Важным лейтмотивом газетных публикаций стала критика «фетишизации» количества занятых неприятельских городов как критерия успеха в войне. Печать разных оттенков призвала читателей перестать «создавать из географических пунктов фетиши» (Киров, 1915, с. 5) и «не делать себе кумира из отдельных местностей и городов» (Свет, 1915, с. 1). Автор «Киевлянина» писал по поводу Львова, что враг не сумел «взять его стремительным натиском», и теперь ему там нечем поживиться: «Он занял географическую точку, которая называется “город Львов”. Это все, что досталось австро-германцам» (К.Б., 1915, с. 2). Другой характерной чертой публикаций в прессе после оставления Львова стали аналогии с событиями Отечественной войны 1812 г. Чаще всего авторы заметок вспоминали о решении М. И. Кутузова уклониться от генерального сражения, по стратегическим соображениям пожертвовать Москвой и за счет этого выиграть время. Военный обозреватель «Киевлянина» подчеркивал, что, «как и в 1812 г[оду], время – лучший наш союзник» (Волгин, 1915, 8 июня, с. 1). «В 1812 году Кутузов оставил без боя не какой-нибудь Перемышль, а саму матушку Москву! – убеждала свою аудиторию правая газета «Свет». – Но радоваться в конце концов пришлось ведь Кутузову и России, а совсем не Наполеону» (После Перемышля, 1915, с. 1). Автор «Одесского листка» писал: «Сто

с небольшим лет тому назад тот же вопрос, какой жизнь поставила теперь нашему Верховному Главнокомандующему, властно предстал, после Бородинского боя, перед приснопамятным князем Кутузовым-Смоленским. <...> Он пожертвовал Москвой ради выигрыша войны. Не все современники поняли и оценили по достоинству этот подвиг самоотверженного патриотизма, но потомство воздало должное мудрому вождю и прославило навеки его имя на скрижалях русской истории» (Черномор, 1915, с. 1). В печати упоминались и другие эпизоды войны столетней давности: обозреватель «Биржевых ведомостей» сравнивал отход от Львова с оставлением в 1812 году Смоленска и предлагал читателям дожидаться «нового Бородина» (Шумский, 1915, с. 3). Рассуждения прессы о повторении сценария 1812 г. подхватили в высших эшелонах власти. 1 августа 1915 г., на первом после длительного перерыва заседании Думы, аналогию с «двенадцатым годом» провел председатель совета министров И. Л. Горемыкин, а следом за ним – военный министр А. А. Поливанов (Государственная дума..., 1915, стб. 7, 12).

По дошедшим до нас письмам и дневникам военных можно судить, что в действующей армии – как среди нижних чинов, так и среди офицеров и генералитета – после оставления русскими войсками Львова сложились две линии оценки произошедшего. У части военных преобладала досада из-за возвращения завоеванного, «отката» назад. 15 июня командующий 8-й армией А. А. Брусилов, уже понимавший, что Львов придется оставить, писал жене: «Очень больно. Завоевала моя армия Львов и Перемышль, и, как бы в насмешку, моей армии придется отдавать эти места обратно врагу» («Я не искал популярности...», 2016, с. 146). Офицер-артиллерист А. В. Орло после новости об уходе из Львова задался вопросом: «Если слухи о взятии немцами Львова верны, то к чему же свелся год войны?» (Орлов, 2016, с. 231). Другие военнослужащие признавались, что «настроение с падением Перемышля сильно понизилось», и что «быть здесь [на Юго-Западном фронте. – Д. П.] неприятно и позорно» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1021. Л. 987; Д. 1013. Л. 77).

Вторая категория военнослужащих смотрела на события в Галиции более оптимистично, в том же духе, что и периодическая печать. Образованный солдат пояснял в письме домой, что утрата Польши и Галиции – «потеря временная», и «взгляд военный на отступление, на потерю местности и городов со всеми его мирными жителями, далеко не таков, каков у мирных, не имеющих никакого общения с войной» (Солдатские письма, 1917, с. 90). «Настроение здесь великолепное, – писал другой адресант с Юго-Западного фронта, – отходу от Львова никакого значения не придаем: это так надо, спешить нечего, мало еще побить немца, надо доконать его...» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1023. Л. 171). Военный из Ставки писал, что «отдача Перемышля и Львова неприятна только с моральной стороны. Города можно снова отобрать, а, погубив армию, ничего уж не поделаешь» (Там же. Л. 177). Проходивший лечение в Ковеле поручик признавался родным, что пребывает в бодром настроении, «ибо ведь наше положение в настоящее время прекрасное, несмотря на отступление от Карпат» (Первая мировая..., 2014, с. 489–490).

Для многих солдат логичным объяснением неудач на Юго-Западном фронте было вмешательство более сильного в сравнении с австрийцем противника, которого называли «германцем» или «германом». Авторы некоторых фронтовых писем, рассказывая родным и близким о боевом опыте, даже не упоминали австрийцев, делая акцент именно на «германцах» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1482. Л. 439, 453; Солдатские письма, 1917, с. 84). Один из бойцов облек свои размышления в стихотворную форму (Фронтовая жизнь..., 2015, с. 37):

*В бой вступили с австрийцами.
И разбили скоро их.
Взяли Львов мы город славный.
Перемышль отдали нам;
Мы прошли насквозь все хоры.
И к равнине подошли!
Враг не мог с нами равняться,
Все в руки наши отдавал.
Но германец помешал нам*

*Дальше двигаться вперед!
Он собрал туда все силы!
И пожал обратно нас!
Что мы взяли у австрийцев,
Герман все отнял у нас!*

Оптимистично настроенные военные соглашались с доводами газет по поводу примера 1812 г. и отказа от «фетишизации» городов. «Львов, Перемышль и др. – это все географические места, которые сами требуют защиты их; важна главная сила, армия, с которой, Бог даст, мы вернем и Львов, и Перемышль, и многие другие города» – писал один из них (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1024. Л. 237). «У нас очень много придают значения названиям: Перемышль, Львов и друг., – пояснял другой военнослужащий. – В действительности есть поле, на котором истощаются силы одного бойца и другого, и только сила этого истощения решит победу» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1013. Л. 88). Командир 133-го пехотного Симферопольского полка А. Е. Снесарев жаловался супруге, что «масса» не понимает, что в отсутствие снарядов отступление русской армии – «мера умная и дальновидная, сулящая только победу»: «Для нее и разоренный Перемышль, и Львов имеют какую-то притягательную силу; масса не знает, что воюют не из-за них, их можно отдать и снова взять...» (Снесарев, 2012, с. 177). «Население слепо и не видит, что Львов сдали, увезя все ценности, что не оставили неприятелю ни одного орудия, что за всю эту операцию мы несли минимум потерь», – растолковывал в письме родственнице другой офицер (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1013. Л. 86). С. И. Вавилов, в ту пору сражавшийся на Юго-Западном фронте, записал в дневник, что «больше склонен к стратегической логике, впечатление скверное, но не подавляющее» (Вавилов, 2016, с. 389).

В тылу после оставления русской армией Львова господствовали противоположные настроения: обнадеживающая риторика газет уже не спасала ситуацию. Директор императорских театров В. А. Теляковский, узнавший об оставлении Львова в Ярославской губернии, отмечал, что «настроение в провинции подавленное, все не понимают, почему наши войска отступают» (Теляковский, 2017, с. 364). Молодая киевлянка эмоционально признавалась в дневнике, что произошедшее в Галиции «вонзается так больно во что-то живое внутри меня и остается там», делая акцент на сдаче Перемышля и Львова (Сайн-Витгенштейн, 1986, с. 45). Как уход из Перемышля породил беспокойство о судьбе Львова, так после ухода русской армии из галицийской столицы многие стали «усиленно говорить, что сдадут и Варшаву» (Зимин, 2013, с. 268). Особую тревогу испытывало русское население самого города: «С момента упадка Львова настало у нас тревожное время, – писал житель одного из варшавских предместий. – Все чего-то страшатся и чего-то ожидают, а некоторые спешно покидают Варшаву» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1023. Л. 145). С пессимизмом новость об оставлении Львова была воспринята и в Петрограде, где еще до перехода противника в наступление известия из Галиции воспринимались скептически: офицеры, приезжавшие с Юго-Западного фронта в столицу, возмущались «полным контрастом тому, что приходилось слышать и видеть ближе к фронту», и констатировали «совершенно другое» настроение по сравнению с передовой (АДРЗ. Ф. 164. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 59; Гейден, 1972, с. 9). «С этой вестью трудно было примириться, – описывал реакцию петроградского общества на падение Львова В. Ф. Джунковский, – не верилось, что этот город, который казался уже совсем обрусевшим, куда ходили уже прямые поезда из Петрограда и Москвы, перешел опять в руки неприятеля» (Джунковский, 1997, с. 577). Правая журналистка С. Л. Облеухова жаловалась В. М. Пуришкевичу, что «ноющая интеллигенция» в столице «по случаю очищения Львова так ноет, что тошнохонько слушать» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1013. Л. 74).

Общими факторами разочарования для представителей армии и тыла были потерянное время и девальвация огромных потерь, понесенных русскими войсками в боях за Галицию со времен начала войны. В письмах и дневниках отмечалось, что русские войска «в неделю... отдали все, что в течение девяти месяцев дважды завоевывали»; что «Перемышль брали 6 месяцев, а германцы взяли его обратно в 4 дня» (Арямов, 2014, с. 98; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1.

Д. 1482. Л. 453). В свидетельствах многих современников упоминаются «колоссальные жертвы наших храбрых воинов», «сотни тысяч уложенных зря жизней» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1021. Л. 972; *Кравков*, 2014, с. 146; *Теляковский*, 2017, с. 362). Еще до потери Перемышля, в дни, когда русские войска только начали отступать, переправляясь по другую сторону Карпатских гор, военный врач И. А. Арямов записал в дневнике: «Столько материальных жертв и, главное, столько жертв человеческими жизнями за эту войну, чтобы овладеть Галицией и Карпатами. И вот – все пошло прахом» (*Арямов*, 2014, с. 98). Причины неудач в Галиции общество усматривало в «халатности и беспорядке», непродуманной религиозной политике, коррумпированности приехавших в оккупированный регион чиновников (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1023. Л. 1010; Д. 1022. Л. 1022).

Итак, к маю 1915 г. обладание Перемышлем и Львовом для русского общества олицетворяло успехи русского оружия, оправдывало многочисленные потери в боях за Галицию и трактовалось как финальный акт «собираения русских земель». Долгожданное взятие русской армией Перемышльской крепости в апреле 1915 г. произвело мощный всплеск патриотических настроений, но уже в июне оба города, а с ними и почти вся завоеванная часть Галиции были уступлены противнику. Если падение Перемышля вызвало в тылу шок и разочарование, то оставление Львова воспринималось как ожидаемое событие: общество было готово к дальнейшему отступлению армии. Печать всех оттенков говорила о прогнозируемости и стратегической целесообразности отступления и сравнивала его с отходом русской армии в 1812 г. Если часть армии разделяла доводы прессы, то общественное мнение в тылу относилось к оптимистичным интерпретациям происходящего со скепсисом и возмущением.

Список источников

- Архив Дома русского зарубежья имени А. Солженицына (АДРЗ). Ф. 164. Оп. 1. Ед. хр. 40.
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 265. Д. 1013, 1021, 1022, 1023, 1024.
Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 722. Д. 2.
Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1482.
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 234. Оп. 1. Д. 403; Ф. 778. Оп. 1. Д. 77; Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476.
Арямов И.А. Война 1914–1918 гг. // Отечественные архивы. 2014. № 3. С. 89–103.
Баскаков А. Письма с войны (от нашего специального военного корреспондента) // Казанский телеграф. 1915. 7 июня. № 6596. С. 2.
Блок А.А. Записные книжки 1901–1920. М., 1965.
Борин. После отхода от Львова // Новое время. 1915. 12 (25) июня. № 14099. С. 2–3.
Борин. У Перемышля // Новое время. 1915. 22 мая (4 июня). № 14078. С. 2.
Вавилов С.И. Дневники, 1909–1951: в 2 кн. Кн. 1: 1909–1916. М., 2016.
Волгин. Обзор военных действий // Киевлянин. 1915. 23 мая. № 139. С. 1.
Волгин. Обзор военных действий // Киевлянин. 1915. 6 июня. № 153. С. 1.
Волгин. Обзор военных действий // Киевлянин. 1915. 8 июня. № 155. С. 1.
Волгин. Обзор военных действий // Киевлянин. 1915. 12 июня. № 159. С. 3.
Волжин. Казанским лгунам и сплетникам // Казанский телеграф. 1915. 31 мая. № 6590. С. 3.
Врангель Н.Н. Дни скорби. Дневник 1914–1915 гг. СПб., 2001.
Гейден Д.Ф. Записки графа Д.Ф. Гейдена (1914–1917 гг.) // Военно-исторический вестник. 1972. № 40. С. 6–13.
Городцов В.А. Дневники ученого. 1914–1918. Кн. 1. 1914–1915. М., 2019.
Государственная дума. IV созыв. Стенографические отчеты. 1915 г. Сессия четвертая. Пг., 1915.
Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 2.
Зимин С.И. Записки оперного антрепренера. М., 2013.
К.Б. Опустевший город // Киевлянин. 1915. 13 июня. № 160. С. 2.
Киров К. Очищение Львова // Русские ведомости. 1915. 14 июня. № 136. С. 5.
Кравков В.П. Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М., 2014.
Н.В. Почему львовское сражение не было нами принято // Речь. 1915. 16 июня. № 163 (3186). С. 2.

- Немирович-Данченко В.* Последние дни Перемышля // Русское слово. 1915. 28 мая. № 1121. С. 4.
Новое время. 1915. 24 мая (6 июня). № 14080. С. 3.
Орлов А.В. Дневник 17 июля 1914 – 1 июня 1916 г. // Первая мировая война 1914–1918 гг. в дневниках и воспоминаниях офицеров Русской императорской армии. М., 2016. С. 202–261.
Палеолог М. Дневник посла. М., 2003.
Первая мировая война в документах Государственного архива Иркутской области. Иркутск, 2014.
Переписка императора Николая II с матерью – императрицей Марией Федоровной. 1894–1917. М., 2017.
Переписка Николая и Александры. 1914–1917. М., 2013.
После Перемышля // Свет. 1915. 24 мая. № 135. С. 1.
Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. 1905 – середина 1930-х гг.: в 6 т. Т. 3. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915–1920 гг. М., 1998.
Речь. 1915. 22 мая. № 138 (3161). С. 1.
Сайн-Витгенштейн Е.Н. Дневник 1914–1918. Paris, 1986.
Свет. 1915. 22 июня. № 164. С. 1.
Снесарев А.Е. Письма с фронта: 1914–1917. М., 2012.
Солдатские письма. Казань, 1917.
Теляковский В.А. Дневники Директора Императорских театров. 1913–1917. Санкт-Петербург. М., 2017.
Урусов Л.В. Дневники Л.В. Урусова. 1914–1917. Тамбов, 2017.
Фронтовая жизнь солдат Первой мировой войны в письмах и документах: сб. документов. СПб., 2015.
Черномор. Час испытаний // Одесский листок. 1915. 12 июня. № 159. С. 1.
Шумский К. О Львове // Биржевые ведомости. 1915. 9 июня. № 14893. С. 3.
«Я не искал популярности и не ищу, думаю лишь об общем деле России». Переписка генерала А.А. Брусилова с женой Н.В. Брусиловой. 1914–1917 гг. // Исторический архив. 2016. № 5. С. 130–156.
Srokowski S. Z dni zawieruchy dziejowej 1914–1918. Kraków, 1932.

Библиографический список

- Бахтурина А.Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М.: АИРО-XX, 2000. 263 с. ISBN: 5-88735-064-4. EDN: UAQZQM.
Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М.: Новый хронограф, 2015. 720 с. ISBN: 978-5-94881-292-2. EDN: THWZUK.
Гусев Н.С. Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М.: Индрик, 2020. 520 с.
Клопова М.Э. Взятие Перемышля на страницах русской прессы. Март 1915 г. // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. М.: Изд-во МНЭПУ, 2016. С. 318–329. EDN: ZQMXVH.
Колоницкий Б.Н. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 664 с.
Санборн Д. Великая война и деколонизация Российской империи. СПб.: Bibliorossica, 2021. 456 с.
Haid E. Im Blickfeld zweier Imperien. Galizien in der österreichischen und russischen Presseberichterstattung während des Ersten Weltkriegs (1914–1917). Marburg: Verlag Herder-Institut, 2019. 296 S.

Дата поступления рукописи в редакцию 04.07.2025

RUSSIAN ARMY'S ABANDONMENT OF PRZEMYŚL AND LVIV IN 1915: THE REACTION ON THE FRONT AND REAR

D. S. Parfiryev

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Leninsky prospekt, 32A, Moscow, 119991, Russia
parfiryeff@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4042-6324
ResearcherID: ITV-2428-2023
Scopus Author ID: 57219055365
SPIN: 2650-8844

The article analyzes the reaction of Russian society to retreat in Eastern Galicia in 1915, especially to the fall of Przemyśl and Lviv with their symbolical significance and importance for official propaganda. The research, based on various relevant sources, both published and archival, including previously unknown for scholars, led us to three conclusions. Firstly, Russian public opinion was shocked only after leaving of Przemyśl, but fall of Lviv was estimated as predictable one. Secondly, Przemyśl and Lviv, after retreat of Russian troops, were sharply devalued in the rhetoric of press as strategically unnecessary cities. A lot of journalists and, then, many representatives of establishment, provided parallels between the actions of Russian military command and strategy of Russian military in 1812, sharpening that saving the army, not number of occupied enemy cities, should be the main criterion of success. Thirdly, the attitude of rear and front to the retreat was different. Among the military, some people stood optimistic and estimated further perspectives in the war, in spite of annoyance of lost people and wasted time. Society inside the country, especially in Petrograd, was irritated by military loses and inconsistency of press' rhetoric. The sharp turn of Russian press in its attitude to Przemyśl and Lviv increased the mistrust of society to this institution.

Key words: Lviv, Przemyśl, Galicia, the Great retreat, the WWI, Gorlice offensive.

References

- Bakhturina, A. Yu. (2000). *Politika Rossiyskoy imperii v Vostochnoy Galitsii v gody Pervoy mirovoy voyny* [Russian empire's policy in Eastern Galicia during the First World War]. AIRO-XX.
- Buldakov, V. P., & Leontyeva, T. G. (2015). *Voyna, porodivshaya revolyutsiyu* [The war that gave rise to the revolution]. Novyy khronograf.
- Gusev, N. S. (2020). *Bolgariya, Serbiya i russkoye obshchestvo vo vremya Balkanskikh voyn 1912–1913 gg.* [Bulgaria, Serbia and Russian society during the Balkan Wars, 1912–1913]. Indrik.
- Haid, E. (2019). *Im Blickfeld zweier Imperien. Galizien in der österreichischen und russischen Presseberichterstattung während des Ersten Weltkriegs (1914–1917)* [In the field of view of two empires: Galicia through the eyes of Austro-Hungarian and Russian press during the First World War (1914–1917)]. Verlag Herder-Institut.
- Klopova, M. E. (2016). The capture of Przemyśl on the pages of the Russian press. March 1915. In *Pervaya mirovaya voyna: vzglyad spustya stoletie* [The First World War: A view 100 years after] (pp. 318–329). Izd-vo MNEPU.
- Kolonitskiy, B. N. (2021). «*Tragicheskaya erotika*»: *Obrazy imperatorskoy sem'i v gody Pervoy mirovoy voyny* [Tragic erotica: Images of the imperial family during World War I]. Novoye Literaturnoye Obozreniye.
- Sanborn, J. (2021). *Velikaya voyna i dekolonizatsiya Rossiyskoy imperii* [The Great War and the destruction of the Russian Empire] (A. V. Grishachev, Trans.). Bibliorossica.